

О безударном вокализме в Псковских говорах и его отражении в частной переписке ивангородских купцов XVII века

Anastasiia Ryko / Анастасия Рыко

University of Tartu, Estonia

Email: anastasiia.ryko@ut.ee

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0006-7363>

<https://ror.org/03z77qz90>

Аннотация. В статье рассматривается отражение безударного вокализма, прежде всего аканья, в частной переписке ивангородских купцов XVII в. Одной из задач является выяснение того, насколько письменные данные позволяют реконструировать безударный вокализм региона, где в XVII в. соотношение аканья и оканья остается дискуссионным. Особое внимание уделяется разграничению орфографических и фонетически мотивированных написаний.

Показано, что случаимены букв, обозначающих безударные гласные, требуют осторожной интерпретации, поскольку значительная их часть может быть обусловлена орфографической традицией, лексикализацией или описками. Анализ распределения написаний *a* и *o* в предударных и заударных позициях не дает достаточных оснований для реконструкции системы сильного аканья или вокализма гдовского типа в ивангородском диалекте рассматриваемого периода. Отражение перехода *e > o* в безударной позиции, характерного для окающих систем, позволяет предположить преобладание окающего типа вокализма. Данные заударных слогов, хотя и менее однозначны, допускают гипотезу об ослаблении различия безударных гласных и тенденции к их редукции.

Ключевые слова: русские говоры, историческая фонетика, безударный вокализм, аканье, северо-псковские говоры, частная переписка XVII века, орфографический узус.

Unstressed Vocalism in the Pskov Dialects and Its Reflection in 17th-Century Private Correspondence of Ivangorod Merchants

Abstract. The article examines the reflection of unstressed vocalism, primarily *akanye* in the private correspondence of Ivangorod merchants of the 17th century. The initial aim is to analyse written data in order to determine to what extent they allow conclusions to be drawn about the nature of unstressed vocalism in a regional dialect for which the relationship between *akanye* and *okan'e* in the 17th century remains a matter of scholarly debate. Particular attention is paid to distinguishing between orthographic and phonetically motivated spellings. It is shown that cases of letter substitution in the representation of unstressed vowels require cautious interpretation, since a substantial part of such spellings may be explained by orthographic tradition, lexicalization, or scribal errors. The distribution of spellings with

Received: 2026-02-05. Accepted: 2026-05-20.

Copyright © 2026 Anastasiia Ryko / Анастасия Рыко. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution Licence](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

a and *o* in pre-stressed and post-stressed positions does not provide sufficient grounds for reconstructing a system of strong *akanye* or a Gdov-type vocalism in the Ivangorod dialect of the period under consideration. At the same time, the reflection of the *e* > *o* shift in unstressed positions, which is a feature characteristic of *okanye* systems, makes it possible to assume the predominance of an *okanye*-based type of vocalism. Evidence from post-stressed syllables, although less conclusive, allows for the hypothesis of a weakening of unstressed vowel contrasts and a tendency towards their reduction.

Keywords: historical phonetics, unstressed vocalism, *akanye*, North Pskov dialects, 17th-century private correspondence, orthographic usage.

Apie vokalizmą nekirčiuotuose skiemenyse Pskovo tarmėse ir jo atspindį XVII a. Ivangorodo pirklių asmeninėje korespondencijoje

Santrauka. Straipsnyje nagrinėjamas vokalizmo, visų pirma „akavimo“, atspindys XVII a. Ivangorodo pirklių asmeninėje korespondencijoje. Ypatingas dėmesys skiriamas rašybai ir fonetiškai motyvuotiems rašybos variantams atskirti.

Parodyta, kad raidžių, žyminčių nekirčiuotas balses, keitimo atvejai reikalauja atsargaus aiškinimo, nes didelė jų dalis gali būti nelemta rašybos tradicijos, leksikalizacijos ar rašybos klaidų. „A“ ir „o“ rašybos pasiskirstymo analizė skiemenyse prieš kirtį ir po jo nesuteikia pakankamo pagrindo rekonstruoti stipraus „akavimo“ ar Gdovo tipo vokalizmo sistemą nagrinėjamu laikotarpiu Ivangorodo tarmėje. Išnagrinėti duomenys, nors ir mažiau vienareikšmiški, leidžia kelti hipotezę apie balsių nekirčiuotuose skiemenyse skirtumo susilpnėjimą ir tendenciją juos redukuoti.

Reikšminiai žodžiai: rusų kalbos tarmės, istorinė fonetika, vokalizmas, „akavimas“, šiaurės Pskovo tarmės, XVII a. asmeninė korespondencija, rašybos vartoseną.

1. Введение

В центре внимания статьи – отражение безударного вокализма, прежде всего аканья, в частной переписке ивангородских купцов XVII в. Материалом исследования служит архив Парфения Торчакова, хранящийся в Национальном архиве Эстонии (Narva Muinsuselts; EAA.3287.190) и состоящий из частных писем, написанных его родственниками и торговыми партнерами в 1658–1667 гг. Корпус исследования включает 118 частных писем: 97 писем принадлежат носителям севернопсковского (ивангородского) диалекта и 21 письмо – корреспондентам-иностранцам (немецким купцам), для которых русский язык не был родным. В переписке представлены письма Петра Торчакова (ПТ, 16 писем, ок. 3950 слов), Никона Торчакова (НТ, 8, ок. 1700), Козьмы Зюнина (КЗ, 6, ок. 1540), Петра Белоусова (ПБ, 12, ок. 3550), Ивана Александрова (ИА, 22, ок. 9680), священника Петрища из Гдова (ПпП, 4, ок. 1030), Григория Ровнова (ГР, 12, ок. 4010), Ивана Ровнова (ИР, 8, ок. 1440) и Митрофана Чивирова (МЧ, 9, ок. 3050), а также Данилы Стевена (ДС, 4, ок. 850), Петра Пейпа (ПП, 5, ок. 910), Ганца Грюна (ГГ, 1, ок. 170) и Юрия Меллера (ЮМ, 11, ок. 3680). Приводимые в статье примеры снабжены указанием номера листа в архивной папке и инициалов автора письма. Цель работы – определить,

в какой мере вариативность написаний в частной переписке XVII в. отражает фонетические особенности говора и позволяет реконструировать систему безударного вокализма.

В статье используются методы историко-фонетического и графико-орфографического анализа, а также элементы сравнительно-диалектологического подхода. Актуальность и новизна исследования связаны с введением в научный оборот неопубликованного корпуса частной переписки и его использованием для анализа безударного вокализма.

2. Отражение аканья в памятниках письменности

Историческая фонетика сталкивается со значительными трудностями при изучении аканья по письменным памятникам. Традиционное правописание, стремящееся к единообразному написанию морфемы и не отражающее фонетики (в том числе редукции безударных гласных), затрудняет выявление аканья в письменных памятниках.

Известно, что в XV–XVII вв., когда аканье уже было широко распространено на белорусских территориях, западнорусские памятники отражают *о* в *а* лишь лишь в случайных ошибках писцов [Карский 1955, 134]. В московской деловой письменности аканье также фиксируется ограниченно, несмотря на то что для московского говора XVII в. оно уже считалось устной нормой [Котков 1974, 60, 88]. Если для южнорусской и московской деловой письменности XVII в. случаи отражения аканья обычны, то в севернорусской деловой письменности, отражающей окающее произношение писцов, явных следов аканья не наблюдается [Копосов 2000, 54].

Традиционность орфографии существенно ограничивает возможности письменных памятников как источника по безударному вокализму, но памятники деловой письменности могут использоваться для этих целей при условии разграничения орфографических и фонетически мотивированных написаний [Майоров 2006, 102]. При введении нового материала в научный оборот возникает вопрос о достоверности отражения в нем системы безударного вокализма, в нашем случае – о том, насколько тексты частных писем позволяют судить о фонетической системе говора их авторов.

3. Отражение фонетических явлений в письмах ивангородских купцов

Частная переписка имеет первоочередное значение для истории языка: считается, что частные письма писались «довольно свободно, в минимальной зависимости от норм, с одной стороны, приказного, с другой – церковнославянского языка», а поэтому именно частная переписка «от-

ражает народную речь наиболее ярко и непосредственно» [Котков 1980, 155]. С другой стороны, исследования показывают, что частная переписка в России XVII в. была четко определенным типом текста, обладавшим не только четкой структурой, но и некоторой фиксированной нормой, хорошо известной широким слоям населения [Kretschmer 1998, 244]. Хотя язык частных писем тесно связан с устной речью их авторов, он является не простой фиксацией устной речи, а скорее стандартизированным способом ее воспроизведения [там же, 135].

Уже к середине XVI в. складывается относительно единая московская система делопроизводства, а вместе с ней и орфографический узус, который распространяется на всей русской территории [Копосов 2000, 13–14]. Влияния московского орфографического узуса не избежали и ивангородские купцы; они не были профессиональными писцами, но, несомненно, обладали достаточной грамотностью в рамках делового языка. Об этом можно судить, например, по довольно частым в их письмах написаниям гласных после мягких и шипящих в ряде слов (*лошедь*, *десеть*, *деветь*, *сентября* и др.), которые известны в деловой письменности разных регионов и являются общерусской нормой, а не отражением каких-либо фонетических особенностей [Копосов 2000, 7; Майоров 2006, 103].

Известно, что обучение грамоте начиналось с обучения церковнославянскому – азбуке и Псалтыри. В письмах нашего корпуса есть упоминания об обучении младшего сына Парфения Ивана, который живет у своего дяди в Пскове, где учится грамоте: Никон Торчаков сообщает, что Ванька «твердит азбуку» (НТ196), а Митрофан Чивиров со слов Ивана Ровнова пишет: а *wn* говорит про Ванку про маленково што ди б[о]гъ дасть будет милость божья уже псалтыр учит а чае у бже милость ин гот сеи зимы выучитце¹ (МЧ159).

В частной переписке авторы следуют орфографическому узусу деловой письменности с присущей ему вариативностью. Возникает вопрос о степени устойчивости их письменных навыков. Письменная практика корреспондентов неоднородна: наряду с авторами, выказывающими относительно устойчивую ориентацию на книжно-орфографическую традицию, в корпусе представлены и писцы с менее сформированным письменным навыком. Для отдельных авторов характерны личные предпочтения в пределах допустимой орфографической вариативности, что

¹ При транслитерации скорописного текста мы придерживаемся правил, принятых в изданиях поздних памятников письменности: тексты передаются буква в букву с сохранением букв *w*, *ѣ*, *а*, *ѐ*, *ѣ*; выносные буквы вносятся в строку, но выделяются курсивом; титла и другие надстрочные знаки не воспроизводятся, подтительные написания раскрываются в квадратных скобках; кириллическая цифирь дублируется арабскими цифрами в квадратных скобках; текст делится на слова.

позволяет говорить об индивидуальных письменных нормах. Эти различия необходимо учитывать при интерпретации орфографической вариативности и выделении фонетически мотивированных написаний.

Текстам ивангородских купцов свойственны все те позиции вариативности, которые считаются допустимыми в рамках узуса делового письма и свойственны даже документам, написанным профессиональными высокограмотными писцами. К «нормативной» вариативности А.П. Майоров относит такие случаи, как написание возвратного постфикса (*чинится – чиница*), окончание прилагательных и местоимений м. р. род. п. ед. ч. (*его – ево*), отражение оглушения *з* перед глухими в приставках и в середине слова (*из которых – ис которых, сказка – скаска*) [Майоров 2006, 106–110]. Эти случаи вариативности присутствуют также в письмах ивангородских купцов.

Так, написание возвратного постфикса довольно редко представлено вариантами без отражения ассимиляции согласных: всего 7 случаев *-тся* и 6 случаев с «ненормативной» гласной *-тсе*; в остальных случаях (*-тце (-тцѣ)*, *-це (-цѣ)*, *-ца*) отражена ассимиляция, причем такие написания характерны для всех авторов писем (см. табл. 1).

Табл. 1. Варианты написания возвратного постфикса

	ПБ	НТ	МЧ	КЗ	ГР	ИР	ИА	ПТ	ПпП	всего
-тся	5			1				1		7
-тсе	1	1			2		1	1		6
-тце (-тцѣ)	7	1	1	3	3	2	18	3	4	42
-це	1 (цц)		4	1			5	7		18
-ца			1	1	3					5
	14	2	6	6	8	2	24	12	4	78

В окончаниях прилагательных/местоимений представлен как церковнославянский вариант *-аго* (обычно в формульном компоненте писем), так и «морфологический» *-ого* и «фонетический» *-ово*, преобладающий у ряда авторов (МЧ, ГР, ИА) (только для ПБ основной вариант – *-ого*) (см. табл. 2).

Табл. 2. Окончания прилагательных/местоимений род. п. ед. ч. м. р.

	ПБ	НТ	МЧ	КЗ	ГР	ИР	ИА	ПТ	ПпП	всего
-аго (формулы)	4	1			5		14	4		28

	ПБ	НТ	МЧ	КЗ	ГР	ИР	ИА	ПТ	ПпП	всего
-аго	3						4			7
-ого	15	2	3	1	9		4			34
-ово	8	1	14	5	15	4	43	2	2	94
Всего	30	4	17	6	29	4	65	6	2	163

Отражение оглушения *з* также широко представлено в текстах нашего корпуса: на границе корня и суффикса (в .д. [4] связках 105ИР, триста без десети связков 191ИР, скаски 126ИА, блиско б/нИА, блиско 151ИА, ніско 151ИА, вести (=везти) 185ИА, лен свести 142КЗ); в приставках на -з/с.

Интересно, что Иван Александров использует специфический графический прием для передачи оглушения *из-* – написание *зс* (изполна 45ИА, исполнілсе 135ИА, для изсправьки 135ИА, изс колы|вані 130ИА, изс каморочки 130, изс попадею 190ИА), что отражает следование одновременно и морфологическому (написание приставки *из-*), и фонетическому (обозначение глухости согласного при помощи *с*) принципам орфографии (ср. аналогичное обозначение глухости согласного в другой позиции у другого автора: связках 105ИР).

С другой стороны, некоторые позиции вариативности лежат за рамками деловой орфографической «нормы» и являются признаком «малограмотности» писцов (что характерно для бытовой письменности, к которой относится частная переписка). Таковым считается отражение оглушения согласных на конце слов и фонетическое написание предлогов/приставок *об, под, над, от, в* (типа *потписуюсь*) [Майоров 2006, 106–110]. По этому критерию всех корреспондентов Торчакова можно отнести к «малограмотным», следовательно, от них можно ожидать фонетических написаний и в других позициях.

Так, оглушение согласных на конце свойственно всем авторам писем (см. табл. 3).

Табл. 3. Отражение оглушения согласных на конце слова

	ПБ	НТ	МЧ	КЗ	ГР	ИР	ИА	ПТ	ПпП	всего
д > т	24	1	19	14	22	7	61	—	2	150
г > х	—	—	16	—	2	—	22	—	3	43
г > к	—	—	8	3	7	2	5	1	—	27
з > с	1	1	4	—	—	—	4	1	—	11
ж > ш	—	1	2	1	—	—	5	1	—	9

	ПБ	НТ	МЧ	КЗ	ГР	ИР	ИА	ПТ	ПпП	всего
б > п	6	1	—	—	6	—	9	—	—	22
в > ф	—	—	—	—	14	1	—	—	—	15
	31	4	49	18	51	10	106	3	5	

Отметим, что сопоставимое количество примеров написания *д* вместо *т* характерно как для Митрофана (МЧ), по-видимому, недавно освоившего грамоту², так и для «книжного» человека Петра Белоусова (ПБ). Замена *з* на *к* встречается у многих авторов, а замена *з* на *х* – только у Митрофана и Ивана Александрова. Видимо, остальными такое отступление от морфологического принципа воспринималось как отклонение от письменной нормы. Почти все случаи написания *ф* (*θ*) на месте *в* отмечены в текстах Григория Ровнова. Очень мало случаев следования фонетическому принципу в этой позиции находим в письмах Петра Торчакова. Таким образом, для разных авторов характерны разные представления о границах допустимой орфографической вариативности.

В текстах писем ивангородских купцов отражаются и диалектные фонетические черты, в первую очередь цоканье (неразличение *ц* и *ч*), которое, как известно, широко представлено в новгородских и псковских памятниках начиная с XI в., однако в памятниках русской деловой письменности XVI–XVII вв. не фиксируется, что связывается с действием орфографической нормы [Галинская 2014, 336]. В корпусе писем ивангородских купцов примеры цоканья немногочисленны и встречаются не у всех авторов: бражница 96ПБ, тысяцу 47ИР, ботцка (=бочка) 47ИР, топереца 39ГР, *θ* прошлой пятничи 97ГР, чеоку (=цевку) 104ГР, бгь человеколюбечь 135ИА, на Сыренеч (=Сыренец) 41ИА, нынеца 130ИА. Представлены также немногочисленные примеры второго полногласия, характерного для северо-западных говоров: за челон 159МЧ, доложны 74ГР, доложница 163ИА, доложен 54ПТ.

У Ивана Александрова зафиксирован рефлекс *кл* праславянского сочетания **tl* (wnы прочькли (=прочли) 130ИА), характерный для древнепсковского диалекта [Зализняк 2004, 49] и рассматриваемый наряду со вторым полногласием как одна из диагностических черт «кривичских по происхождению» говоров [Николаев 2001, 87]. В исследованных деловых псковских памятниках 1-й половины XVII в. таких рефлексов не обнаружено, но они есть в разговорнике Фенне [Галинская 2002, 106–107].

² Часть писем Митрофана (8, 9, 10) написаны полууставом, остальные – скорописью, что может указывать на недавнее освоение им грамоты: предположительно процесс обучения письму начинался с полуустава, а навыки скорописи вырабатывались позже [Тарабасова 1982, 173].

У некоторых авторов писем встречаются случаи взаимозамены букв *в* и *у* в предлогах, а также форма предлога *ув*, что отражает билабиальный характер согласного [в]: у ругодиѡ 24ГР, у мири взѡт 126ИА, хоро-що³ и у лавки сидит 130ИА, у козминои лавки 132НТ, и то в нас 88ИА, спрошаи у ивана ув Олехсандрова 39ГР. Взаимная мена *у* и *в* в начале фонетического слова отмечена в псковских памятниках книжного и не-книжного характера начиная с XIV в. [Галинская 2002, 98], в берестяных грамотах – начиная с XII в. [Зализняк 2004, 81], хотя билабиальный [w] характерен и для широкой зоны юга, запада и северо-запада [Филин 2006 (1972), 290–296]. Отметим одновременное отражение оглушения [в] в позиции конца слова в нашем материале, что говорит о губно-зубном характере [в]. Аналогичная картина наблюдается и в современных говорах, и в псковской деловой письменности XVI–XVII вв. [Галинская 2002, 98].

В письмах ивангородских купцов представлена вариативность написаний, выходящая за рамки деловой «нормы», а также довольно хорошо отражены диалектные особенности, что делает письма релевантным материалом для анализа безударного вокализма.

4. Безударный вокализм псковских и гдовских говоров

В современных центральных псковских говорах представлено сильное аканье/яканье, однако Ивангород находится на территории среднерусских окающих (гдовских) говоров, совмещающих аканье и оканье. По данным ДАРЯ, в населенных пунктах, расположенных недалеко от Ивангорода, представлены разнообразные системы безударного вокализма: к северу, северо-востоку и юго-востоку – акающие (Выбье, Косколово, Бабино, Вассанара, Заполье, Кленно, Сяглы, Ликовское), к востоку, югу и юго-западу – совмещающие аканье и оканье (Кошкино, Жабино, Монастырёк, Загивье). Совмещение аканья и оканья в заударных слогах и во втором предударном слоге наблюдается в некоторых акающих населенных пунктах к юго-востоку от Ивангорода (Кленно, Сяглы, Ликовское) [БД ДАРЯ].

Вопрос о времени возникновения аканья в псковских говорах и его отражения в памятниках письменности довольно сложный. В псковских памятниках письменности XIV–XVI вв. обнаруживается небольшое количество написаний *а* на месте *о*. А.И. Соболевский говорит о следах отражения аканья в псковских памятниках уже в XIV в. [Соболевский 1884, 147]. Н.М. Каринский не находит ярких примеров аканья в Псковском Шестодневе 1374, но говорит о его широком распространении в псков-

³ В исследуемых текстах отмечена регулярная взаимная мена букв *ш* и *щ*, что говорит об артикуляционной близости обозначаемых их звуков, в частности, о твердости долгого глухого шипящего.

ских памятниках XV в., отмеченном как в первом предударном, так и во втором предударном и заударных слогах [Каринский 1916, 46]. Т.Н. Кандаурова, анализируя примеры с написанием *a* вместо *o* в Прологе 1383, приходит к выводу, что одному из писцов было свойственно аканье перед ударными гласными нижнего и верхнего подъемов, сопровождавшееся ассимилятивным оканьем перед ударными гласными среднего подъема [Кандаурова 1957, 232]. Л.И. Царева отмечает, что все примеры аканья в памятниках XIV в., приведенные Соболевским, представляют собой случаи ассимилятивного аканья (в позиции перед *a* ударного слога), а большая часть примеров в памятниках XV–XVI вв. – перед ударным *a* и гласными верхнего подъема [Царева 1962, 74–75], что соответствует гдовскому типу предударного вокализма, и предполагает вначале ассимилятивный путь развития аканья (перед *a*), дополненный затем диссимилятивным принципом (перед гласными верхнего подъема).

На основании памятников XIV–XV вв. и псковских деловых текстов начала XVII в., Е.А. Галинская предполагает, что в псковском диалекте первой половины XVII в. был представлен гдовский тип вокализма, ныне сохранившийся лишь к северу от Пскова [Галинская 2002, 92]. Аналогичную (гдовскую) систему предударного вокализма В.А. Ковпик предполагает для отказной книги Пскова 1613–1614 гг., отмечая, что большая часть примеров приходится на имена собственные или производные от них: в написании нарицательных «псковские писцы, имевшие, судя по всему, хорошую выучку, почти не ошибались, чему способствовала и узость круга лексики, употреблявшейся в отказных книгах, т. к. правописание небольшого количества слов легко заучить» [Ковпик 2005, 93]. Предполагается, что система вокализма, характерная в XX в. для гдовских говоров, расположенных на севере Псковской области, в XVII в. была распространена южнее, по крайней мере в самом Пскове. Чекмонас, тщательно проанализировав системы безударного вокализма говоров Псковского района, также приходит к выводу, что гдовская система еще в недавнем прошлом была распространена гораздо южнее ее нынешней территории и что «каноническая гдовская система предударного вокализма является гдовской по месту ее первой фиксации, но собственно псковской по территории формирования» [Чекмонас 1999, 134]. Однако он сомневается в гипотезе, высказанной Галинской по поводу гдовской системы в псковском говоре начала XVII в., поскольку в цитируемых памятниках есть также примеры написания *a* перед ударными гласными среднего подъема, что предполагает реконструкцию системы сильного аканья.

Отдельный вопрос – отражение аканья в разговорнике Фенне. Немногочисленные примеры аканья из него Лист (цит. по [Ковпик 2005])

считает или ошибками, или «лексикализированным произношением» и утверждает, что говор Пскова в это время – окающий (по крайней мере в купеческой среде, консервативной в языковом отношении). Галинская (вслед за Ковпиком), анализируя тот же корпус примеров, считает, что в начале XVII в. в псковском говоре был представлен гдовский тип вокализма. В.Чекмонас [1999] расширяет список примеров из Фенне и указывает, что почти все они укладываются в гдовскую систему безударного вокализма. Тем не менее он отмечает несколько (1–2) примеров аканья перед гласными среднего подъема и считает, что говору Пскова того времени было характерно предударное оканье, что подтверждается практическим отсутствием у Фенне примеров гиперкоррекции (т. е. написания *о* на месте *а*) в позиции первого предударного слога, а примеров и написания *а* в открытом заударном слоге, и случаев гиперкорректного написания *о* в том же разговорнике много [Чекмонас 1999, 137–139]. Это позволяет Чекмонасу утверждать, что «во времена Фенне предударное оканье было характеристикой традиционной городской посадской речи, тем более речи образованных людей» и «в самом Пскове акали выходцы из деревни, а также выходцы из южных окраин Псковской земли, где аканье и яканье утвердилось намного раньше, чем в ее центральных и северных частях» [там же, 139].

Таким образом, данные псковских письменных памятников допускают разные интерпретации, поэтому система безударного вокализма северно-псковских (гдовских) говоров XVII в. реконструируется с большой долей неопределенности.

5. Отражение аканья в письмах ивангородских купцов

Возникает вопрос, какая система безударного вокализма была характерна для ивангородского диалекта во 2-й половине XVII в. – окающая, акающая или «переходная» (типа гдовской). Памятники севернорусской деловой письменности XVII в., написанные носителями окающих говоров, последовательно различают безударные *а* и *о*, т. е. в них отсутствуют следы аканья [Копосов 2000, 54].

В нашем корпусе имеется достаточное количество примеров написаний *а* на месте *о* в безударных слогах (92 примера). Означает ли это, что ивангородский говор был в это время акающим?

Примеры по текстам разных авторов распределены неравномерно: 1 случай у Петра Белоусова, 40 – у Петра Торчакова (при сопоставимости объема текстов данных авторов). Можно предположить, что Петр Торчаков, живя и обучаясь в Москве, был в большей степени подвержен влиянию московского делового узуса, в котором неразличение *а* и *о* было привычным. Более того, больше половины примеров аканья из писем Петра

Торчакова приходится на одну (!) грамотку 129ПТ, которая отличается от других и по другим признакам: во-первых, большая часть ее содержания – рассказ о подготовке Москвы к предстоящей поездке Алексея Михайловича «на Литву са всемь дворомь⁴»; во-вторых, формульная часть этой грамотки составляет более 80% всего текста, что много даже для «фатических» семейных писем Петра Торчакова (обычно в них формульная часть занимает около 50% текста, тогда как в «деловых» письмах формульный компонент не превышает 20–30%); наконец, эта грамотка имеет признак того, что она была переписана с какого-то образца: в формульной части есть фрагмент «сынишко ваше ниже именуемыйи імерек», в котором вместо *имярек* должно быть подставлено имя автора письма, но это не сделано.

Довольно часто (18 примеров) *а* на месте *о* написано в двух корнях, что говорит о лексикализации, видимо, под влиянием московского делового узуса: *гараз-* (8): гаразьно 8МЧ, гаразно 74ГР, 195ГР, 86ГР, гараз 74ГР, гаразно 167КЗ 2х, гаразнw 124ПТ; *тавар-* (10): тавар 19ГР, тавар ПТ14, ПТ72, тавару 11ГР 2х, 103ПТ, таөару 19ГР, w томь таваре 103ПТ, таваришку 58ГР, 72ПТ.

За вычетом лексикализованных примеров и материала грамотки 129, случаев мены *а* и *о* в 1-м предударном слоге остается немного; большая их часть – в текстах Петра Торчакова, который, очевидно, испытывает большее влияние московского делового узуса. Никакой зависимости появления *а* в 1-м предударном слоге от последующей ударной гласной не просматривается, т. е. нельзя говорить об отражении гдовской системы вокализма, предполагающей различие [а] и [о] в слоге перед ударными гласными среднего подъема и неразличие перед гласными верхнего и нижнего подъемов. Перед [а] – 5 примеров: ездаками 183НТ, паслали 3КЗ, талмач 24ГР, у Хавансково 135ИА, упаваем 53ПТ; перед [і], [у] – 3 примера: дакинут 115ПБ, ганбы (=гоньбы от 'гнать') 135ИА, один из которых с *ы* – кабылы (=кабалы) 126ИА; перед [о], [е] – 12 примеров: каво 101МЧ, с пад солі 89ИР, полнамош 2ГР, хатені|ем 36ИА, ка мне 135ИА, каторые 54ПТ 2х, wба всех 18ПТ, на Маскве 18ПТ, 124ПТ, заре 55ПТ. Все случаи написания *а* в предударном слоге перед *а* в ударном (так же, как написание *ы* в слове *кабылы*) можно считать опiskой, связанной с предвосхищением гласного следующего слога. Описок в текстах писем и в других случаях довольно много у всех авторов. В двух случаях написание *а* встречается в именах собственных (у Хавансково, на Маскве), которые могут воспроизводиться согласно московскому узу-

⁴ О выезде из Москвы царя и всего двора в 1665 г. исторические источники ничего не сообщают, т. е., видимо, весь этот текст – изложение слухов.

су и отражать московское произношение. Дополнительным аргументом в пользу интерпретации написаний *a* на месте *o* как описок можно считать аналогичную мену этих букв в ударной позиции: *пот* начолом 57ИА, *Кандрот|теи* 175ИА (если в последнем случае гласная *o* корне действительно является ударной).

Важным признаком фонетического неразличения гласных считается обратная замена *a* на *o* (см. выше). Один из имеющихся примеров такой замены может быть опиской: *догодаеце* 161КЗ (повтор гласного предшествующего слога), а другой (*аб онбаре* 185ИА) имеет варианты с *a* и *o* как в древнерусской письменности, так и в современных говорах. Написания *a* на месте *o* во втором предударном слоге тоже не выглядят убедительными: из 11 случаев 4 приходятся на фамилию (*Тарчакову* 47ИР, 122ИР, 191ИР, 87ИА), остальные примеры – из писем Ивана Александрова, причем два из них – в «официальном» слове *гасудар* (87ИА, 41ИА), остальные – в предлогах и частице: *да указу* 176ИА, что *мал пароеи wтпищет* 176ИА, а каких *вещинах* 59ИА, а *твоеи розделки* 126ИА, *па него* 57ИА.

Примеров на заударное *a* довольно много (всего 22), они встречаются почти у всех авторов писем, причем много примеров – в именах собственных: *Никан* 89ИР, 3КЗ, *Никану* 89ИР, 122ИР 2х, *wт* *Никана* 159МЧ, 3КЗ, *wть* *Никана* 135ИА, у *Никана* 165ИР, *Никановых* 46ИР, *Исакавичю* 87ИА (всего 11). Как и в случае написания *a* во втором предударном слоге, большая часть примеров обнаруживаются в текстах Ивана Ровнова и Ивана Александрова. Часто *a* на месте *o* наблюдается в открытом заударном слоге: *поздна* 75НТ, *никакова* 72ПТ 2х, *какова* 72ПТ, *добрава* 103ПТ (возможно, также *ина* (=ино) *то есьть речи* 9МЧ). Есть также один случай с гиперкорректным написанием *o* на месте конечного заударного *a*: *сыно моево Троөима* ГР104. Примеры написания *a* в заударном неконечном слоге: *така же* (= тако же) 57ИА, *за марш|ал|каво* дело 163ИА, *ведам* (=ведом) 167КЗ 2х, *изо* *Гдава* (учитывая возможность в этой форме переноса ударения на предлог) *б|нПпП*.

Интересны два примера с написанием *ы* на месте *a* в заударной позиции: *перетрепыного* 142КЗ, *сказывыл* 165ИР. Они могут свидетельствовать о редукции заударного гласного (если во втором случае не описка, спровоцированная *ы* в предшествующем слоге).

Материал писем иностранцев, которые должны в большой степени демонстрировать фонетическое письмо, тоже не дает картины аканья. Неизвестно, в какой степени эти люди владели русским языком, где и как они обучались деловому письменному языку. В позиции 1-го предударного слога мы находим примеры с тем же корнем *гараз-*, где написания с *a* могли быть лексикализированы: *гаражно* 20ДС, *харасно* 172ЮМ. Кроме этих примеров, случаев написания *a* на месте *o* в этой позиции

немного: пажалуи 181ГГ, ано 20ДС, опазаю (=обожаю) 153ЮМ. Подавляющее большинство примеров с *a* в заударном неконечном слоге приходится на корень *грамат-* (что легко объясняется влиянием родного немецкого языка, ср. *Grammatik* 'грамматика' с корневым *a*) – 4 примера у Данилы Стевена, 27 примеров у Юрия Меллера, единственный случай за пределами этого корня – для ведами 20ДС. В остальных 14 примерах *a* представлен в заударном конечном слоге: блиска 20ДС, съделана 20ДС, послана 20ДС, мала 20ДС, 38ДС, избыта 30 ДС, 38ДС, такова 82ДС, перепорчена немала была 110ЮМ, не была 119ЮМ, куплена 153ЮМ, мала 203ЮМ. Случай обратной мены *a* на *o* один: не для роди тебя 203ЮМ. Таким образом, по текстам иностранцев реконструируется примерно та же картина, которую Чекмонас обрисовал для псковского говора начала XVII в. (см. выше).

Примеров мены безударных гласных после мягких согласных в нашем корпусе немного. Все случаи замены *a*(*я*) на *e* (лошедьми 9МЧ, лощеди 117МЧ, петина 10МЧ, принел 90МЧ 2х, петисаженные 117МЧ, дватцет 47ИР, дваццет 122ИР, по дватьцети 122ИР, без десети 191ИР) не показательны, поскольку такие написания, за исключением *принел*, характерны для приказного языка этого периода в целом (см. выше). Видимо, к вариантам, допустимым в приказном языке в целом, можно отнести и написания слова *ефимок/яфимок*. Заметим, что среди корреспондентов Торчакова есть приверженцы одного из вариантов: вариант с *я* в большинстве случаев выбирает Петр Белоусов, во всех случаях Петр Торчаков, тогда как у Ивана Александрова и Митрофана Чивирова встречаются написания только с *e*.

Случай обратной замены *e* на *я* (до времени 89ИР) объясняется морфологическим выравниванием по форме им. пад. Немногочисленные случаи написания *я* перед [а] ударного слога могут объясняться предвосхищением гласного последующего слога: потарал 126ИА, мяня 32ПТ 2х, 54ПТ. Примеры, которые могут свидетельствовать о яканье, единичны: пщаница 163ИА, 130ИА, на замлю 37ПТ (где написание *a* больше похоже на описку под влиянием *a* в предшествующем слоге). Есть также один пример с заменой *e* на *и* в заударной позиции: пвчисть (*почесть*) 24ГР.

Итак, несмотря на довольно большое количество примеров с *a* на месте *o* в первом предударном слоге, большая их часть не выглядит убедительной и/или может быть объяснена влиянием московского делового узуса. Немногочисленные примеры с *a* на месте *o* в заударной позиции, на наш взгляд, выглядят более убедительными: можно предположить, что в ивангородском диалекте середины XVII в. была окающая система, но с ослаблением различия гласных в заударных слогах как после твердых, так и после мягких [Ковпик 2005, 94]. Похожие системы – с

предударным оканьем и сильной редукцией в заударных слогах – в современных севернопсковских говорах Чекмонас описывает как «протополновские» [Чекмонас 1998, 122–125]. Впрочем, в нашем материале сильная редукция в заударных слогах не очевидна. В качестве дополнительного аргумента в пользу окающей системы может быть отражение в текстах писем перехода $e > o$, хорошо представленный в нашем корпусе, в первую очередь в позиции после шипящих (что объясняется отвердением шипящих в псковских говорах к этому времени, так что написание o никак не влияло на обозначение мягкости предшествующего согласного), но есть примеры с o и после согласных, парных по мягкости-твердости: солоных 85ПБ, вьсо 10МЧ, всо 10МЧ. Однако есть и довольно много примеров, где переход $e > o$ отражен в безударной позиции, что характерно для севернорусской письменности [Копосов 2000, 59–60]: чоловека 9МЧ, купи кружечок 71ИР, поизобижоны 11ГР, по чолобитю 126ИА, з жонвю 19ГР, жона 25ПБ, 92ПБ, на[д]ежон б/нИА, недежон (=надежен) 151ИА, пот ратушою 135ИА, нащои 163ИА, 130ИА, селди нащои 15ИА, побей чолом 19ГР, Павыловичом 163ИА, ничово 85ПБ 2х, выщол 130ИА, волон (=волен) бгъ 142КЗ и многочисленные случаи написания постпозитивной безударной частицы *же* как *жо* в текстах Ивана Александрова. В ряде примеров написание o может быть опiskой под влиянием o в соседнем слоге или результатом морфологической аналогии в окончаниях, однако наличие перехода $e > o$ в безударной позиции, характерного для окающих говоров, не вызывает сомнений.

6. Заключение

Анализ частной переписки ивангородских купцов XVII в. показал, что данные этого корпуса, несмотря на высокую степень графической вариативности и влияние «стандартного» делового узуса, могут быть использованы для реконструкции отдельных черт фонетической системы говора их авторов. Тексты демонстрируют как «нормативную» вариативность деловой письменности, так и индивидуальные отступления от нее, включая отражение диалектных фонетических особенностей.

В области безударного вокализма письма ивангородских купцов не дают убедительных оснований говорить о сформировавшейся системе сильного аканья или о гдовском типе предударного вокализма. Большая часть примеров написания a на месте o в первом предударном слоге может быть объяснена влиянием московского делового узуса, лексикализацией отдельных слов или описками.

Несколько более показательными представляются данные заударной позиции, где наблюдается ослабление различения безударных гласных как после твердых, так и после мягких согласных. Такая система сопоста-

вима с типами вокализма, которые описываются для севернопсковских говоров как «протополновские». С другой стороны, отражение перехода $e > o$ в безударной позиции (что скорее исключает редуцию безударных гласных) подтверждает, что для ивангородского диалекта середины XVII в. была характерна окающая система безударного вокализма.

Литература

- БД ДАРЯ. База данных диалектологического атласа русского языка. Электронный ресурс. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 26.12.2025).
- ГАЛИНСКАЯ, Е. А., 2002. *Историческая фонетика русских диалектов в лингво-географическом аспекте*. Москва: Издательство МГУ.
- ГАЛИНСКАЯ, Е. А., 2014. К проблеме отражения цоканья в памятниках русской деловой письменности XVI–XVII веков. In SERŽANT, I. A., WIEMER, B. (eds.). *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*. Ed. by Bergen, 330–343.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А., 2004. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. Москва: Языки славянской культуры.
- КАНДАУРОВА, Т. Н., 1957. К истории древнепсковского диалекта XV века (о языке Псковского Пролога 1383 г.), *Труды Института языкознания АН СССР*, 8. 178–186.
- КАРИНСКИЙ, Н. М., 1916. *Очерки из истории псковской письменности и языка: исследование языка Псковского Шестоднева 1374 года*. Петроград: Сенатская типография.
- КАРСКИЙ, Е. Ф., 1955. *Белорусы. Вып. 1: Язык белорусского народа*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- КОВПИК, В. А., 2005. Из истории безударного вокализма псковских говоров, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 1(19). 92–95.
- КОПОСОВ, Л. Ф., 2000. *Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв.: орфография, фонетика, морфология*. Москва: Московский педагогический университет.
- КОТКОВ, С. И., 1974. *Московская речь в начальный период становления русского национального языка*. Москва: Наука.
- КОТКОВ, С. И., 1980. *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. Москва: Наука.
- МАЙОРОВ, А. П., 2006. Правописание гласных и отражение явлений безударного вокализма в региональной деловой письменности XVIII в., *Русский язык в научном освещении*, 1(11). 101–125.
- НИКОЛАЕВ, С. Л., 2001. Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров. In ГОРШКОВА, К. В., РЕМНЕВА, М. Л. (ред.). *Вопросы русского языкознания. Вып. IX: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах*. Москва: Издательство МГУ, 86–121.
- ТАРАБАСОВА, Н. И., 1982. Некоторые черты московской скорописи XVII в. In КОТКОВ, С. И., ПАНКРАТОВА, Н. Н. (ред.). *История русского языка. Памятники XI–XVIII вв.* Москва: Наука, 170–220.

СОБОЛЕВСКИЙ, А. И., 1884. *Очерки из истории русского языка*. Ч. 1. Киев: Университетская типография.

ФИЛИН, Ф. П., 2006 (1972). *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*. Москва: КомКнига.

ЦАРЕВА, Л. И., 1962. Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области. In ЛАРИН, Б. А. (ред.). *Псковские говоры*. Вып. 1. Псков: Псковский государственный педагогический институт, 58–76.

ЧЕКМОНАС, В. Н., 1998. Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры), *Slavistica Vilnensis*, 47(2). 57–132. <https://doi.org/10.15388/SV.1998.23187>

ЧЕКМОНАС, В. Н., 1999. Аканье и яканье в говорах Псковского района (современное состояние и проблемы истории), *Slavistica Vilnensis*, 48(2). 89–146. <https://doi.org/10.15388/SV.1999.23158>

KRETSCHMER, A., 1998. *Zur Geschichte des Schrift-russischen: Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhunderts*. München: Verlag Otto Sagner.

References (Transliteration)

BD DARYA. *Baza dannyh dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka*. Elektronnyj resurs. <https://da.ruslang.ru/> (accessed 26.12.2025).

GALINSKAYA, E. A., 2002. *Istoricheskaya fonetika russkih dialektov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moskva: Izdatel'stvo MGU.

GALINSKAYA, E. A., 2014. K probleme otrazheniya tsokaniya v pamyatnikah russkoj delovoj pis'mennosti XVI–XVII vekov. In SERŽANT, I. A., WIEMER, B. (eds.). *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*. Bergen, 330–343.

ZALIZNYAK, A. A., 2004. *Drevnenovgorodskij dialekt*. 2nd ed. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

KANDAUROVA, T. N., 1957. K istorii drevnepskovskogo dialekta XV veka (o yazyke Pskovskogo Prologa 1383 g.), *Trudy Instituta yazykoznanija AN SSSR*, 8. 178–186.

KARINSKIJ, N. M., 1916. *Očerki iz istorii pskovskoj pis'mennosti i yazyka: issledovanie yazyka Pskovskogo Shestodneva 1374 goda*. Petrograd: Senatskaya tipografiya.

KARSKIJ, E. F., 1955. *Belorusy. Vol. 1: Yazyk belorusskogo naroda*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

KOVPIK, V. A., 2005. Iz istorii bezudarnogo vokalizma pskovskih govorov, *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*, 1(19). 92–95.

KOPOSOV, L. F., 2000. *Severnorrusskaya delovaya pis'mennost' XVII–XVIII vv.: orfografiya, fonetika, morfologiya*. Moskva: Moskovskij pedagogicheskij universitet.

KOTKOV, S. I., 1974. *Moskovskaya rech' v nachal'nyj period stanovleniya russkogo nacional'nogo yazyka*. Moskva: Nauka.

KOTKOV, S. I., 1980. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka*. Moskva: Nauka.

MAYOROV, A. P., 2006. Pravopisanie glasnyh i otrazhenie yavlenij bezudarnogo vokalizma v regional'noj delovoj pis'mennosti XVIII v., *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(11). 101–125.

NIKOLAEV, S. L., 2001. Iz istoricheskoy fonetiki i prosodii severo-zapadnyh govorov. In GORSHKOVA, K. V., REMNEVA, M. L. (eds.). *Voprosy russkogo yazykoznanīya. Vol. IX: Dialektnaya fonetika russkogo yazyka v diahronnom i sinhronnom aspektah*. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 86–121.

TARABASOVA, N. I., 1982. Nekotorye čerty moskovskoj skoropisi XVII v. In KOTKOV, S. I., PANKRATOVA, N. N. (eds.). *Istorija russkogo jazyka. Pamjatniki XI–XVIII vv*. Moskva: Nauka, 170–220.

SOBOLEVSKIJ, A. I., 1884. *Očerki iz istorii russkogo yazyka. Vol. 1*. Kiev: Universitetskaya tipografiya.

FILIN, F. P., 2006 (1972). *Proishozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov*. Moskva: KomKniga.

TSAREVA, L. I., 1962. Akanye i yakanye v govorah yugo-zapadnoj chasti Pskovskoj oblasti. In LARIN, B. A. (ed.). *Pskovskie govory. Vol. 1*. Pskov: Pskovskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut, 58–76.

CHEKMONAS, V. N., 1998. Akanye i okan'e v severnoj chasti Pskovskoj oblasti (polnovskie govory), *Slavistica Vilnensis*, 47(2). 57–132. <https://doi.org/10.15388/SV.1998.23187>

CHEKMONAS, V. N., 1999. Akanye i yakanye v govorah Pskovskogo rajona (sovremennoe sostoyanie i problemy istorii), *Slavistica Vilnensis*, 48(2). 89–146. <https://doi.org/10.15388/SV.1999.23158>